

возраст персонажа: В 1900 году тридцатилетний Ленин совершил поездку по Волге. Близок к предыдущему и следующий контекст, в котором используется относительное прилагательное металлический, указывающее на материал, из которого изготовлен памятник В. И. Ленину: *На станции скорой помощи жил маленький металлический Ленин*. Слово сочетание вьетнамский Ленин может быть охарактеризовано как перифраза, описательно называющая другое лицо: *Хо Ши Мин – вьетнамский Ленин, основатель компартии Вьетнама, долгие годы руководил страной, похоронен в Мавзолее*.

Содержащиеся в рассматриваемых текстах определения с ярко выраженной положительной коннотацией (употребляемые иногда и в ироничном контексте) характеризуют В. И. Ленина как исключительно выдающуюся личность: *Мудрый Ленин сумел вознести роль «дурака» на необыкновенную высоту; Нужно было найти этот политически правильный образ идеального Ленина; Это был добрый и умный Ленин*. Негативно-оценочные определения связаны прежде всего с описанием внешнего вида Ленина и его физического состояния: *Но не этого же плешивого, страшного Ленина, говорившего такие ужасные вещи; Поймет ли партия, что дело идет не о борьбе за место большого Ленина?*

Таким образом, с помощью оценочных определений к прецедентному ониму *Ленин* авторы выражают свое отношение к объекту высказывания, свою политическую и нравственную позицию, расставляют те или иные смысловые нюансы.

Е. Ю. Никитенко

Науч. рук. **И. Г. Гомонова**,
канд. филол. наук, доцент

ФИТОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Фитонимы выступают прежде всего в качестве локальных индикаторов лирического события или переживания. Выбор названия определенного растения, как правило, вызывает у читателя ассоциации с местом произрастания.

В поэтических текстах С. Есенина представлены разнообразные тематические группы фитонимов. Привлечение в качестве источника фактического материала Национального корпуса русского языка [1] позволяет определить их частотность и прийти к выводу о количественном преобладании номинаций деревьев и кустарников. При этом количество вхождений фитонима *береза / березка* – 50; *клен* – 22; *тополь* – 19; *липа* – 17; *черемуха* – 17; *ива* – 16; *осина* и *сосна* – 11; *ель* и *верба* – 10; *рябина* – 9; *яблоня* и *ветла* – 7; *ракита*, *дуб* и *ольха* – 4; *калина* и *кедр* – 2; *вяз*, *каштан*, *кипарис*, *олеандр* – 1.

Кроме приведенных видовых названий, в поэзии С. Есенина представлены также родовые фитонимы *дерево* (9 вхождений) и *куст* (34 вхождения). Обозначаемые ими объекты поэт нередко олицетворяет: *Я хотел бы под конские храпы / Обниматься с соседним кустом*.

Центральное место в поэтическом мире С. Есенина занимает образ березы, которая для него является символом Руси: *Я покинул родимый дом, / Голубую оставил Русь. / В три звезды березняк над прудом / Теплит матери старой грусть*. Еще одна из интерпретаций березы – образ девушки: *Я навек за туманы и росы / Полюбил у березки стан*.

Для создания такого же образа используется фитоним *черемуха* – перед читателем предстает красивая девушка в нежном кружевном одеянии. Цветы черемухи у поэта ассоциируются со снегом: *сыплет черемуха снегом; черемуховая вьюга; как метель, черемуха*. Ее символика – весна, молодость, любовь, а также их быстротечность: *В нежном шелесте черемух / Раздавалось: «Я твоя»; Все равно любимая отцветет черемухой*.

Таким образом, основные функции фитонимов у С. Есенина – отражение неразрывной связи между человеком и природой и стремления стать с природой единым целым: *Я б хотел ивняком при дороге / Сторожить голубую Русь.*

Литература

1 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 20.04.2018.

Я. М. Пархоменка

Навук. кір. **В. С. Новак,**

д-р філал. навук, прафесар

ВЕДЗЬМА Ё МІФАЛАГІЧНАЙ ТРАДЫЦЫІ БЕЛАРУСАЎ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ФАЛЬКЛОРУ ГОМЕЛЬШЧЫНЫ)

У сістэме народнай дэманалогіі беларусаў важнае месца адводзіцца міфалагічным апавяданням, звязаным з найбольш вядомым персанажам ніжэйшай міфалогіі – ведзьмай. Праведзены аналіз фактычных матэрыялаў, запісаных пра гэту звышнатуральную істоту, дае падставы сцвярджаць факт устойлівасці і шырокай геаграфіі бытавання народных вераванняў на тэрыторыі Гомельшчыны. Паводле міфалагічных уяўленняў жыхароў, ведзьмай магла стаць тая жанчына, якая мела стасункі з нячыстай сілай. Невыпадкова ў жанрах мясцовай міфалагічнай прозы даволі часта пра гэта ўзгадваецца: “Ведзьма – нячысты дух” (в. Целяшы Гомельскага р-на) [1, с. 97]; “Ведзьмай становіцца жаншчына, каторая знаецца з нячыстай сілай” (в. Шырокае Буда-Кашалёўскага р-на) [1, с. 95]; “Ведзьма – злая жанчына, хаўрусніца дзьявала” (в. Перавалока Рэчыцкага р-на) [1, с. 113].

Адзначым, што ў вобразе ведзьмы арганічна паяднаны і чалавечы, і дэманічны пачаткі. Калі характарызаваць знешні выгляд гэтага персанажа, то шматлікія мясцовыя запісы пацвярджаюць іх арганічнае адзінства: “Ведзьма тожа адносіцца да нячысцікаў. Гэта злая калдунья. Ведзьмы хадзілі ў чалавечым абліччы. Былі аднак страшныя, кульгавыя” (г. п. Капаткевічы Петрыкаўскага р-на) [1, с. 101]; “Ведзьма – гэта злая чараўніца. Выглядае яна як жанчына, але погляд у яе вельмі злы быў” (в. Бабоўка Жлобінскага р-на) [1, с. 110]. Здольнасць ведзьмы да ператварэнняў – важны матыў міфалагічнай прозы. Зыходзячы са зместу тэкстаў, яна магла выступаць і ў зааморфным, і ў антрапаморфным вобліку: “Ведзьма можа быць рознай: і чалавекам, і катом, і кабылай, і варонай, і парасёнкам, таксама можа ў столб перавярнуцца” (в. Перавалока Рэчыцкага р-на) [1, с. 113]; “Ведзьма магла станавіцца казой, кошкай” (в. Капань Рэчыцкага р-на) [1, с. 118].

Засцерагаліся ад ведзьмы пры дапамозе малітвы, пасвечанай у царкве свечкі, пэўных металічных прадметаў (серп, каса, іголка і інш.), асінавага дрэва, забітай сарокі [1, с. 125]. Такім чынам, характарызуючы ведзьму, варта ўлічваць апісанні яе знешняга выгляду, ператварэнняў, функцыянальнасці і шматлікіх засцярог ад яе шкоднага ўздзеяння.

Літаратура

1 Народная міфалогія Гомельшчыны: фальклорна-этнаграфічны зборнік. – Мінск: ЛМФ “Нёман”, 2003. – 320 с.